

love_sf
sf_humor
love_sf

Анна
Нест
<https://www.litmir.me/a/?id=293572>
<https://coollib.net/a/189127>

Интимная магия для оборотня (СИ)

Как быть юной сексуальной ведьме в окружении оборотней, особенно если эти оборотни жуть какие настырные, а у девы в качестве защиты – интимная магия и матушка со скверным характером? Найти сильного покровителя? Можно. Залюбить наглецов до смерти? Тоже вариант. А что, если довериться чувствам и отправиться покорять мир с няшным фамильярчиком на поводке – идеально! В тексте есть: оборотни, разница в возрасте, ведьма

ru

FictionBook Editor Release 2.6.7
04.09.2019
<https://www.litmir.me>
8435B185-0DD5-4863-8221-0EF3BA4C4055
1.0

1.0 – создание файла

Интимная магия для оборотня
Анна Нест

Пролог

Ночь. Подъезд. Лампочка-сороковка. И в чем смысл? Освещения хватало ровно настолько, чтобы увидеть мужчину с темными волосами до плеч. Он бежал вниз по лестнице, прижимая

▲руку к синей рубаше. Красное пятно угрожающе расплылось по ткани, и его уже нельзя было скрыть ладонью.

– Ведьма. Старая ведьма. Хорошо хоть ноги целы, – он побежал быстрее, словно опасаясь, что это сейчас изменится, если не поторопиться. – Я уйду от тебя. Уйду! Слышишь?!

–
взломаченный беглец засмотрелся вверх, оценивая, насколько далеко он смог отдалиться от «занозы». В таком состоянии не заметить последней ступеньки мог каждый.

Что дальше? Удар. Хруст. Оу, Варвара была бы неописуемо счастлива. А вместо этого она со

злостью смотрела, как ее уже бывший муж бодро хромает в сторону вокзала.

– Ушел-таки! – Варя стукнула в окно. Она даже хотела плюнуть в удаляющийся силуэт, но

вместо этого скрутила носатый кукиш и, мило улыбаясь, помахала им Василию. – Что б рука

твоя болела, как мое сердце. Козел!

– Ковел! Ковел! – кричал светлокудрый ангелочек. Он смеялся и хватал маму за ноги,

заглядывая в глаза, чтобы найти там одобрение.

– Да, доча, – женщина подняла ангелочка на руки и прижала худенькое тельце к себе. – Нам не

нужен ковел. Правда?

– Нет.

Глава 1. От ангелочка к ведьмочке

Эта тонкая девочка отличалась от сверстниц, как макарон с ликером и специями от привычного

всем слоеного торта с кремом. Чего только стоило ее имя – Кикилия.

– Кикилия, будь моей женой! – девчуля сделала реверансик перед треснутым зеркалом и чуть

не упала, став на подол пожелтевшего мамино платья. – Ужас какой.

– И не говори, сапфирчик мой, – мать вошла в комнату и устало опустилась на расшатанный

табурет. – Надеюсь, я не доживу до того времени, когда ты, красноперка, замуж пойдешь и

волосы за сальным платком спрячешь.

– Мамуль, я вообще об имени своем, – свернула Кикилия со скользкого пути. Она-то давно

подозревала, что замуж – это не страшно. И волосы платком покрывать – не

комильфо, а такие,

как у нее, густые и белокурые – вообще преступление. Но спорить не решалась. Да и замуж

Кики не хотела вовсе, лучше животинку завести. Она и внимания требует, и

погулять любит –

ничем не хуже мужика.

– Имя как имя. Ты еще спасибо скажи, что девочкой родилась, а то папка тебя еще б краше

обозвал.

– Кем это? – Кики прищурила правый глаз и с интересом наблюдала за матерью. Она любила те моменты, когда разговор заходил об отце, ведь все воспоминания о нем стерлись. А еще

Кикилиа видела, как горит румянцем мамино лицо, разглаживаются морщинки в уголках глаз –

никак заглушенная любовь молодила ее ворчливую матушку.

– А я знаю? Может, Кукуцаполь или того хуже, – развела Варвара руки в стороны и пожалала

покатыми плечами.

– Как?! Кукуцаполь? – девочка осела на пол, еще больше путаясь в старомодном свадебном

платье, и хохотала до слез, обнажая на удивление ровненькие и белые зубы. И в кого только

пошла?

– Полно тебе, деточка, – Варвара поправила сбившийся на сторону платок и соорудила из рук

надежную подставку под пышную грудь.

Кики успокоилась и стаскивала платье через голову. Конечно, она могла вынуть пуговицу из

петельки, и этот бесформенный мешок скатился бы к ногам, но девочка спешила поговорить с

матушкой, пока выдалась удобная минутка.

– Ухо-ухо! – завизжала Кикилиа и отпустила платье. Затрапезная материя повисла на острой

сережке, грозясь утащить с собой покрасневшую мочку и спрятать ее от хозяйки.

– Господи, Боже ты мой! – несмотря на свое упитанное тело, Варвара толстопопым шмелем

подлетела к дочке с готовностью разорвать последнее доказательство ошибки молодости. – Вот

▲и какая из тебя ведьма после этого?! Кики-Кики, – женщина покачала головой, наградив

кровинку обидным щелбаном.

– Самая настоящая. Вспомни дядю Всеволода! – девочка одарила уставшую Варю своей особенной улыбкой. – Сработала же магия! – глаза Кикилии горели, а ноги

пританцовывали от

нетерпения.

– Это да, – примирительно согласилась мать, рассматривая себя в зеркале. Платок снова сбился,

раздражая самовольничеством и неприглядным видом. – Только лучше бы она не сработала,

чем вышло так, как вышло.

– Зато он рукастый мужик был, – пыталась оправдаться Кики, поэтому без зазрения совести

пользовалась мамиными словами, когда-то брошенными в хорошем настроении.

– Рукастый, да. Но какой-то невыгодный. Эх, – махнула рукой на обиды Варвара.

Она прижала

к себе все еще наивную дочку, приняв решение не раздувать костер противоречий. – Мужик

неплохой, а пил в две головы, паразит. На такого зелья не напасешься?

Кикилиа склонила к матушке светлую голову и поглядела в зеркало. До чего же они были

разными. Упитанная темноволосая Варвара с черными, как бесовской омут, глазами,

и ее Кики

– худенькая, с льняными локонами и спрятанной тайной во взгляде. Ее глаза менялись зависимо

от настроения, становясь то голубыми, то серо-зелеными.

– Я тут что подумала, мамулька – тебе над языком не помешает поработать. Ты же у меня еще

такая красавица, а говоришь, как бабка Прасковья, – девочка посмотрела на потолок, проникая

взглядом куда глубже. – Ну та, что на чердаке живет.

Варвара отпустила Кики, чтобы схватиться за свои пышные бока.

– Вот дождалась – дочь маму стыдится! – покрасневшая Варя отвернулась от Кикилии, чтобы

не напугать ее проступившей на лице злобой.

– Мамулькин, не сердись, – девочка суетилась возле Варвары, сжимая своими маленькими

ручками квадратные ладони. – Это же все для тебя, – она виновато улыбнулась и, обвив шею

матери, сыпала словами прямо в завидную грудь. – Я по руке гадала. Помнишь? О мужьях.

Хиромантия не врет.

– Кики! – встрепенулась пожилая женщина, стараясь выкричать из памяти постыдное слово. – Я

ведьму растила! Не хироманта, да простят меня колдовские четки, – Варвара убрала руки

дочери и плюхнулась на стул, грозясь превратить его в кучку щепок.

– Мам, но ведь получается, – все еще надеялась на признание Кики. – Я тебя не стыжусь, но

мужика хорошего на разные капканы ловят. И никогда не знаешь наперед, какая приманка для

него дороже свободы.

– И какой там мужик? – стала поддаваться Варя настырности дочки. – Сама же говорила, что

третья палочка коротковата будет.

– Так короткий – это ж не навсегда! – Кики стала сзади, чтобы можно было гладить матушку,

уберегая себя от очередной победы ведьмовских эмоций над материнской добротой. – Травки

заготовишь и...

– Так и заготовь! – снова взбеленилась Варя. – А я по руке погадаю. Вместо тебя, – женщина

вцепилась в Кики, чтобы поставить ее перед собой.

– Мама! Больно же, – растирала Кикилия свои плечи, выражая обиду дрожащими губами.

– Тихо, – женщина уставилась на ладонь Кики и стала причитать. – Ой, не будет тебе, девонька,

жизни, пока за ум не возьмешься! С кровушкой нужно работать, бараньих глаз не обходить, яд

на зиму заготавливать, яйца хохлаток использовать, по рукам не гадать, маму не огорчать. Ну

как?!

– Это фиаско, мамуль. Хиромант из тебя еще хуже, чем орнитолог, – покачала головой Кики. –

Хохлатка – это растение.

– А вот и нет, сопля! – довольно выпалила Варвара. Она задрала подбородок,

демонстрируя

этим превосходство опытной ведьмы над зеленой хироманткой.

- Ну все! - не выдержала Кикилия бесцеремонности матушки и поспешила к окну - то ли чтобы

свежим воздухом подышать, стоя у открытой форточки, то ли надышаться им в полете, убегая

от одиночества и неисправимой старой ведьмы.

Только Кики приблизилась к равнодушной стеклянной поверхности, как ее взгляд уперся в

фиолетово-черный вихрь жестких волос. Он мельтешил возле жестяного отлива, не рискуя

подняться выше.

Кикилия прохогом бросилась к Варваре, заслоняя от вороньих глаз облупленное окошко.

♣- Я готова! - неестественная улыбка хэллоуинской тыквы занавесила пол-лица Кикилии.

Девочка скручивала из пальцев непонятные знаки, барабаня по полу левой ногой. - Давай,

докажи мне!

- Чего тебе доказывать, милая? - Варя подозрительно уставилась на Кики. - Что кондратий

только старых разбивает? Так твой вид - прямое доказательство, что вранье это все! Ох уж и

хватает тебя, хохлатка моя.

- Готова я, говорю! Ко всему! Хочу, это. яйца увидеть, наконец. Ну и потрогать их. Кого тут

обманывать? - Кики перестала трястись, но продолжала одними глазами вытеснять Варвару из

комнаты, сверкая белыми зубами.

- Где же я тебе такой некомплект найду? - пробормотала Варвара, прикидывая, какими ей

травами дочку отпаивать. - Рановато еще тебе...

- Нормально! Сама мне говорила: «Бараньи глаза, хохлатки, яйца». Ничего не забыла? -

старалась вспомнить Кикилия, понимая, что растерянностью Платошика не вытащить. Еще и

перед носом матери.

- Тыфу на тебя. Пугаешь мать и не каешься! - Варвара как следует набрала воздух в легкие,

чтобы выдохнуть его с шумом и облегчением. - Учиться надумала? Ладно. Пойду за книгой, -

старая ведьма тяжело поднялась со своего «трона», потерла отсиженное левое полупопие и

поторопилась выйти из комнаты.

- Мам! - крикнула Кики первое, что залезло в ее светлую головушку. - Ты мне чаю завари.

Хорошо? И рецептик простенький выбери пока. Ладно?!

- С травками? Чтобы успокоиться?! - пробасила Варвара.

- Тебе виднее, с чем. С травками там, с яйцами! - отмахнулась Кики и беззвучно подошла к

окну. "Скрип!" В комнате появился фиолетовый ежик, а под ним - щупловатый и странный

подросток со свежей царапиной на всю щеку.

- Ты чего тут делаешь, Плат?! - набросилась на товарища Кикилия, толкая его в

острые плечи,
завешанные болотно-зеленым балахоном. Говорила она тихо, но недовольство в
голосе
сквозило так, что Плат рисковал подорвать здоровье, например схлопотать насморк
или заиметь
вторую царяпину.
- Чай с яйцами?! Это что-то новенькое! - Кикилия так испугалась увидеть мать на
пороге, что
чуть не вытолкнула Платошика обратно на улицу.
Будущая ведьмочка спрыгнула с подоконника и приоткрыла дверь комнаты.
- Не! Чай обычный! Это я о рецепте! Ты выбирай, только внимательно! Зелье
принеси, как
подостынет немного! Пожалуйста. Ок?!
- Ок, ок, - согласилась Варвара.
Кикилия вернулась к Плату и уже без злости посмотрела на друга. Зелень в глазах
куда-то
испарилась, уступив место голубому лазуриту.
- Откуда это? - Кикилия осторожно дотронулась к щеке Платошика, а увидев, как
парень
скривился, инстинктивно прижала его к себе, чтобы пожалеть.
- Да ну, хватит тебе. Все нормально, - запротестовал Плат. Белое лицо ожило,
загоревшись
предательским огнем. - Это я в битве участвовал... Ерунда, - отмахнулся боец. -
Лучше это
зацени, - Платон наклонил свою голову, и Кики увидела огромную плешь, прямо возле
вихря.
- Что б мне чужой руки не видеть больше! - запричитала Кики, давно позабыв о
матушке. - Как
так?!
- Я же говорил - битва. Беспощадная и нечестная. Потом расскажу, - деловито
изрек Платон и
установился на Кики глазами умильного котенка. - Ты сможешь? Волосы - моя
самая
крепкая защита. Как мне таким общипанным жить?
- Помочь? - задумалась Кики на секундочку, стуча пальчиками по подоконнику. -
Помочь я
могу, конечно, - Кикилия улыбнулась и зарделась, осознавая свою крутость и еще
кое-что. - Я -
и предметная магия. Да.
- Ну. Так помоги! Нерасторопная какая. Сейчас маменька твоя как залетит фурией,
так мы
вдвоем из окна выскочим, - Плат поглядывал то на остолбеневшую от наглости Кики,
то на
закрытую потрескавшуюся дверь.
Кикилия сложила руки под только выделившейся грудью, копируя свою родительницу,
и уже
готовилась трубить о словесной битве. Осталось выбрать, на какой зубок
попробовать
«оборванца». А вот Платошик воевать не собирался - ему бы отойти от сегодняшнего
сражения
▲с тупым самодельным завивателем. Откуда пацаненку было знать, что волосы
укладывать - это
не по стенам на второй этаж бегать?
- Пожа-а-алуйста, - заскулил Платошик. - Знаю, я плохой друг и болван. Давай же,

Кики!

- Ладно, - девочка подбежала к белой шкатулке в мелкие раффлезии и щелкнула замочком. -

Держи! - ведьмочка сцепила свободные руки за спиной и, довольная собой, раскачивалась вперед-назад.

- И что это? - Платон крутил в руках золотистый гребешок с мелкими зубчиками, и его

удивление росло так стремительно, что уже не вмещалось в проем окна.

- Расческа, глупенький. Для твоей мужской силы, - засветилась радостью Кикилия и тут же

померкла. - Ой! Для защиты твоей! Точно, - девочка гнала смущение, попутно стараясь

собраться с мыслями - Расческа для защиты! Ух!

- И поможет? - не мог скрыть недоверия Плат. - Где ведьмовские чары? Заклятия? И черная

кровь? - поджатые губы давали понять - мальчишка рассчитывал не на это.

- Черная кровь? Какая фантазия! - всплеснула руками Кики, окончательно потеряв остатки

бдительности. - Твои идеи да в правильное место - я бы, я бы... что угодно тогда сделала!

- Что? - светился раззадоренный похвалой Плат, машинально причесывая пострадавший

чубчик.

- Не знаю. Частичку души бы в тебя вложила, - без лукавства ответила Кикилия.

Цвет ее глаз

изменился на глубокий синий, чего прежде никогда не случалось. Она посмотрела на Плат так,

как еще не умела смотреть минуту назад.

Шажочек. Еще один. Гребень выглядывал из непослушных волос. Только никто не спешил его

вытаскивать. Рукам Платона было к чему прикоснуться. Какой там гребень? Хоть и весь такой

волшебный. Плат ощутил дыхание на своем лице и со страхом закрыл глаза. Кики не противилась странному порыву, заставляющему мокнуть ее платье, и тоже прикрыла веки.

Со стороны Кикилия и Плат напоминали недавно родившихся зверят. Тыкали друг друга

"мордочками" в поисках нужного обоим. Руки Платона хаотично бегали по спине Кики.

Пальчики Кики вцепились в плечи друга...

- Я не думала, что это так мокро, - Кикилия счастливо улыбалась и собирала платком влагу с

лица.

- Мокро и круто, - Плат не стал вытираться и обалдело глядел на Кикилию. - Давай еще раз, а?

- Давай! Только не глубоко - чтобы я могла дышать. - Кики положила руки Плата себе на

талию и приоткрыла губы.

- Ки-ки! Чай уже остыл! Иди пей! - слова Варвары становились все отчетливее.

Платон

отпрянул от застывшей малышки и три раза переменялся в цвете. Дрожащие пальцы еле

совладали с окном. Секунда на гляделки - и Плат сиганул вниз.

- Ты чего комнату морозишь? - Варвара недовольно окинула взглядом бедное убранство спальни, только на секунду остановившись на дочери. - Иди балуйся чайком. И за работу.

Двенадцатилетние на носу - пора нормальной ведьмой становиться!

- Да, мама, - согласилась Кики. - Ты иди. Я за тобой.

Варвара недовольно поежилась и тут же успокоилась, намереваясь оставить дочь наедине с холодом.

- Да, окно закрой. Сейчас! Ведь так и забудешь.

- Хорошо, мам.

Варвара исчезла в темноте коридора, а Кики осторожно подошла к старенькому зеркалу. Она

всматривалась в свое лицо, прикасалась к губам, трогала подбородок.

- Как было раньше. Только я чувствую, что все изменилось, - Кики еще раз оглядела себя,

подолгу задерживаясь на серо-голубых глазах и розовых пухлых губах, словно именно они

нуждались в повышенном контроле. - Не выдавайте меня и Плата. Точно, Плат. - Кикилия на

цыпочках подкрадывалась к окну, которое так и не закрыла.

Плат стоял внизу. Он увидел Кики и принялся неистово облизываться, как будто его рот щедро

испачкан любимой сладостью.

- Придурок.

▲ Глава 2. Фамильяр с дредлоками

Голова Кикилии лежала на грубо сколоченном столе, за которым нормальному человеку было

бы страшно сидеть. Неотесанное и запятнанное варевом дерево грозило впиться многочисленными «осколками» в кожу, сделав ее своим постоянным пристанищем.

Возле Кики

лежали два больших глаза с черной радужкой, «кровоточащий зуб», а также целая орда из

баночек с травами и специями, наспех обмотанными старой мешковиной.

Варвара смотрела вглубь себя, машинально гоняя по столу третий глаз. Он то и дело бился о

макушку Кики и снова возвращался в исполосованную трещинами пятерню старой ведьмы.

Варя улыбнулась своим мыслям и принялась выплевывать песенку, не менее странную, чем она

сама:

{Растила я ведьму,

Да с чужим даром.

Гадания мне твои

Не нужны и даром.

Я травок заварю,

Глазниц раздобуду.

Ты больше не говори,

А я молчать не буду.}

Глаз сумел проскочить между пальцами. Варвара, чертыхнувшись, полезла за ним под голубой

комод - задняя часть ведьмы угрожающе поднялась, и кухня наполнилась гулом.

– Ух, смотрите-ка! Кто тут у нас? Да иди ко мне, чтоб тебя! Иди, иди... Это ж надо. Я тут измаялась вся, а он, значит, лежит себе – прохлаждается. Иди сюда! Вот же гузно на ножке!

– Что-то потерялось, матушка? – Кикилия неторопливо подняла голову. В ее глазах зарождался интерес к происходящему, да только фигура Варвары полностью скрывала того, кто прятался в подкомодной темноте.

Варвара проворно вынырнула из своего укрытия, хрустя позвоночником и стуча коленками по полу.

– Потерялось, – нарочито добродушно ответила Варя, чтобы через секундочку утопить Кики в

ехидстве. – Совесть твоя потерялась, Кикилия Твердолобая!

– Не стыдно так кровинку свою обзывать? А еще умудренная возрастом женщина, – Кики

хотела выйти из-за стола, только ноги сковало от долгого сидения в неудобной позе. – Ай,

больно как!

– Это ты не знаешь, как больно материнскому сердцу, когда ее дети надежд не оправдывают.

В другой раз Кики выбежала бы из комнаты, смачно стукнув полуживой дверь. А сегодня

бунтарский дух девушки пока не проснулся, к тому же бегать на опутанных тонкими невидимыми нитями ногах трудно даже для упрямой ведьмы. Кики обреченно подперла голову

рукой и наблюдала за суетливыми движениями матери уже без былого интереса.

– Обиделась, что я уснула? – догадалась девушка. Она растирала переносицу, стараясь как-то

подготовиться к неприятному разговору. Варя ничего не ответила. – Ма, зачем мне знать, как

отвадить от себя диких животных? В чем прикол, а? Где тут животные? В забытой чертом

квартирке есть только ты и я.

– Животные не заходят, говоришь? Не заходят – залезают! Шастают через окна и глупых дев с

толку сбивают, – Варвара говорила медленно, всматриваясь в глаза Кики. Она старалась с

ногами окунуться в мысли Кикилии и навести там порядок на свой вкус.

– Что? Какие животные? – голос девушки задрожал, щеки покраснелись, как обожженные.

Глаза налились теплыми слезами, выступившими от переживания и неожиданного прилива

нежности к Платону.

– Которые дочку мою плохому учат. Ок, фиаско, а теперь – прикол! И запыленный ворох

словечек: вау, чипить... Думаешь, я не знаю, кто это нам на вихре своем приносит? Девке

пятнадцать лет! Нет чтобы колдовские рецепты у матери перенимать. «Это же так скучно!»

Интереснее непристойностей от не пойми кого набираться.

– Чилить, – машинально произнесла Кики, смотря на матушку почти невидящими глазами.

▲Довольная Варя сидела на полу. Она вытянула ноги и опиралась на отставленные за спину руки.

Ее внутренности наконец отпустила невидимая рука, которая не давала дышать, как только этот

бегун стал навещать ее девочку.

– Надеюсь, ты хоть не спала со своим фиолетовым? А то у тебя ума хватит, –

Варвара совсем не

изменилась в лице, только в ее душе бушевало свирепое море. Как же она боялась, что ее

непутевая дочь загубит свою судьбинушку.

– Ну знаешь! – Кики выскользнула между лавкой и колючей столешницей и, минуя матушку,

убежала в комнату. Сделать из себя обиженную было единственным и временным спасением

для Кики. Девушка за один неожиданный разговор осознала тяжесть ситуации – дальше

притворяться будет до ужаса сложно. Как и поняла, что ей, скрытной неведьме, придется обо

всем рассказать. Очень скоро!

– А вот и ты! – Варвара достала на свет белого, всего покрытого паутиной, трехлапного мыша,

подняв его так, что нос пушистика практически касался «картошки» ведьмы. – Все от меня

бегаешь? – поинтересовалась у находки Варя. – Так недолго тебе бегать осталось, дорогой, –

женщина многозначно посмотрела в закрытое белой занавеской окно, и ее лицо тронула

странная улыбка. Создалось впечатление, что думает Варвара совсем не о бунтаре-грызуне.

Варвара боролась с соблазном взять тупой нож, чтобы повозиться над разделкой как можно

дольше, и выиграла. Пальцы сжимали пластмассовую крапчатую рукоятку всех оттенков

коричневого. Лезвие угрожающе блеснуло. Острый край обещал, что работа пройдет быстро и

практически безболезненно.

Варя неподвижно стояла посередине кухне, сжимая в правой руке мыша, а в левой – нож. Ее

глаза смотрели на избранную плитку, где разворачивались картинки последних лет жизни с

Кики. Злость отчасти схлынула, унося силы и боевой настрой. Разделять беглеца теперь не

казалось для Варвары удачной идеей. Она с раздражением отбросила нож в алюминиевый

умывальник и потянулась к молоточку для отбивки мяса. Молоток заманчиво выделялся на

белой стене. Его «головку» подпирали двойной металлический крюк. По бокам висели травы на

толстых нитках, которые спускались с балки, прикрученной к потолку отцом Кикилии.

Еще раз посмотрев на балку, Варвара уверенно подошла к столу. Рука с молотком замахнулась

над головой, и спасти зверушку могло только чудо.

– Мам, ты можешь зайти? – проскользнул неуверенный голос Кики в приоткрытую ею

дверь
спальни. - Я хотела с тобой поговорить, - девушка снова скрылась в своем убежище и ждала неизбежного. Слышно было, как в комнате зашмыгали носом. - Это важно!
Измученная мыслями Варвара успела замахнуться до того, как дочь известила о готовности поболтать. Пришлось тормозить на половине пути. Получилось! Ведьма улыбнулась чему-то своему, возможно, порадовалась хорошей реакции в такие-то годы.

Глава 2. (часть вторая) Узкая ведьма

Из того же голубого комода, под которым побывала толстенная тушка Варвары, проворно вынырнула литровая банка – сегодняшнее пристанище для удачливого беглеца. Варя разлила травяной чай по большим белым чашкам в красные горошины. Если бы она знала, как опасен бывает чай, когда с тобой хочет поговорить о важном пятнадцатилетняя ведьма, то зареклась бы его приносить.

– Приветик, – по-дружески оповестила о своем приходе Варвара. Выглядела это настолько неестественно, что взволнованная Кикилия на мгновение перестала волноваться и недоверчиво приподняла одну бровь. – Чай принесла. Для беседы, вот, – больше не пыталась сойти за своего парня Варвара. От чего обе испытали чувство облегчения. Это было видно по потеплевшим взглядам и почти одновременным ровным вздохам.

– Хорошо, – Кикилия вцепилась в чашку, видя в ней спасение, но не осознавая, что напиток способен обжечь ее нежную кожу до пузырей.

– Смотри, он горячий, – попыталась Варвара вернуть дочке ощущение реальности, хоть сама переживала не меньше нее.

– Тебе никогда не казалось, что я другая? – без прелюдий спросила Кики. Она попыталась сделать большой глоток, но вовремя вспомнила о предостережении.

▲– Конечно, другая! Ты у меня самая лучшая, – Варвара отчаянно замазывала воспоминания о своей несдержанности неприкрытой лестью.

– Нет, мам. Я не об этом, – Кикилия надолго задумалась, вглядываясь в завесу пара. Со стороны казалось, что она спит с открытыми глазами.

Варвара дотронулась к запястью Кики – она хотела и разбудить, и поддержать дочь. Кикилия дернулась от неожиданного прикосновения и пролила часть чая на пол.

В другие дни Кики бы наслушалась от матушки. Но не сегодня. Варвара посмотрела сначала на дочь, чтобы убедиться, что она не ошпарилась, а потом – на пол. Кикилия хлопала глазами и рассматривалась по комнате. Наверняка решала, куда бежать в поисках тряпки.

– Давай потом выпьешь, – совладала с собой ворчливая ведьма. – О чем больше всего ты хотела рассказать? – Варвара настроилась на долгий разговор о мальчиках, о том, как важно их сторониться, когда еще молода, наивна, и что делать, чтобы защитить свою честь. – Я хотела спросить, – замямила Кикилия. Было видно, как трудно ей дается этот разговор. – Спрашивай! – с готовностью отрапортовала чуть обескураженная Варвара, побаиваясь, что придется погружаться в анатомические особенности тел и их взаимоотношения. – Ты тоже считаешь, если ведьма в такие годы до сих пор узкая, то это серьезное упущение? – неистовый вопль не дал Кики продолжить. – Что?! – чай расплескался Варе на крупные бедра, попутно залив и грудь. Несколько капель силились попасть в гортань, а остальная, почти проглоченная, влага фонтанировала через нос. Испуганная Кикилия крутилась возле Варвары, как ужаленная шмелем собака. Она стучала Варю по спине и порывалась бежать за отрезом ткани, чтобы обтереть матушку, а спустя секунду снова возвращалась к ведьме. Глаза Варвары увеличились вдвое. Она колотила себя в грудь, пытаясь выбить из нутра чай и вопли возмущения. Если бы в эту минуту бедной женщине приказали умереть самые черные и могущественные силы, то они могли бы рассчитывать только на крепкую затрещину. Умереть, оставив порицателей узкости целыми – это чудовищная несправедливость. Кикилия только собралась рыдать, как мучения Варвары закончились. Ее руки сползли по груди и вывернулись пальцами к потолку. Взгляд женщины пришелся на ладони. Глаза ее подобрели, дыхание успокоилось. Если включить воображение, то можно было бы увидеть в этой взрослой даме со слетевшим на плечи цветастым платком настоящую хиромантку – с таким непоколебимым упоением она смотрела на свои руки. – Мама? – голос Кики дрожал не меньше, чем ее руки. – Все хорошо? – ведьмочка присела возле Вари и наблюдала за ее бледнеющим лицом. – Ты чего, мам? Я что-то не так сказала? – Кики гладила состарившуюся ведьму по волосам, как когда-то Варя гладила ее. Кикилия еще не осознала, что сейчас происходит с матушкой. Она надеялась, что вина лежит на коварном горячем чае. Девушка с надеждой ждала, когда мама отойдет – и все у них будет не хуже прежнего. – Сказала? – сопя, произнесла ведьма. На ее лице даже проступила тень радости. Или она предвкушала, как отлупит дочку за подобные выкрутасы, или просто радовалась, что не захлебнулась и сможет отлупить еще кого-то. А может, просто слупит с него шкуру, как с

откормленного пастернаком и репой кроля. – Скажи-ка, моя кувшинка полураскрытая, а ты

сначала спросила или уже попробовала наверстать «упущение», а теперь спрашиваешь? –

ведьма еле отыскала в себе силы, чтобы посмотреть на дочь.

Кикилия покраснела и отвела взгляд. Она сжала мамину гренадерскую руку так, что она

хрустнула.

– Знаешь, я пробовала, – Кики не успела набрать новую порцию воздуха в легкие, как мама

опять решила перейти на оглушающий бас.

– Пробовала?! – Варвара так гаркнула, что повторно зашлась в кашле. На этот раз представление было намного скромнее, поэтому глухие аплодисменты, создаваемые от стука

руки о спину, не потребовались.

Прошла минута – и Варя отошла. На первый взгляд она даже смирилась с ситуацией. Скорее

всего, просто боялась спугнуть Кики и не услышать о тех злодеяниях, за которые поплатится

искуситель. – Как это пробовала?

Конец ознакомительного фрагмента. Купить полную книгу вы можете на страничке автора: <https://litnet.com/ru/book/intimnaya-magiya-dlya-oborotnya-b163769>